

ЗДЕСЬ ЭТОТ НОМЕР У ВАС НЕ ПРОЙДЕТ

Вторая версия - дополненная и исправленная.

Первая версия очерка опубликована в "Заметках по еврейской истории"

<http://berkovich-zametki.com/2011/Zametki/Nomer12/Zhuk1.php>

1. Спасшиеся в лесотехнических институтах

В сталинском СССР, где лес был едва ли не основным сырьевым богатством страны, требовалось огромное число рабочих и специалистов для его освоения. Поэтому лесная промышленность СССР была тесно связана с ГУЛАГом. Существовало большое количество леспромхозов прямого подчинения МВД, входивших в региональные организации «Спецлес» (например, «Комиспецлес», «Кировспецлес», «Архангельскспецлес»). Заключение и ссылки использовались на всех этапах технологического процесса – они были рабочими (от вальщиков леса до так называемых кострожегов – сборщиков и сжигателей сучьев и других древесных отходов), техниками и инженерами. В лесной промышленности существовали конструкторские бюро (КБ) для ссыльных – «шарашки», созданные в системе ГУЛАГа при участии Г.М. Орлова, начальника Главного управления лагерей промышленного строительства (Главпромстроя) НКВД СССР, а впоследствии министра лесной промышленности СССР.

Поэтому в послесталинские времена много инженеров, научных сотрудников и квалифицированных работников, подвергавшихся репрессиям, оказалось в институтах и конструкторских бюро лесной промышленности. Сначала таких специалистов я встретил в Московском лесотехническом институте (ныне, Московский государственный университет леса), где учился с 1952 по 1957 год. Это были замечательные преподаватели и прекрасные люди. Затем я встретил их в подмосковных Химках в Центральном НИИ механизации и энергетики лесной промышленности (ЦНИИМЭ), где я работал с 1957 по 1964 год, и в его Карельском филиале. В химкинском институте собралось немало бывших заключенных ГУЛАГа и ссыльных, работавших ранее в лесной промышленности. Основная их часть попала в этот институт из «шарашек», созданных на севере и на востоке страны. Среди них были инженеры и научные работники различных специальностей. Например, мой первый начальник – прекрасный конструктор ленинградец Анатолий Петрович Лось,

бывший советский военнопленный, до войны был кораблестроителем. Мой начальник Отделения энергетики и средств автоматизации, человек большой энергии и чувства справедливости – киевлянин Марк Соломонович Зарецкий, попавший в ГУЛАГ в 1938 году, отбывал срок в лагерях Магадана, а затем после короткого периода послевоенного освобождения оказался как «повторник» на поселении в Игарке, где работал главным инженером лесопромышленного предприятия. Были в химкинском институте и сотрудники авиационных КБ, и конструктор авиационных пулеметов, и электротехники, и радисты. Бывшие ЗК и ссыльные были репрессированы по различным пунктам статьи 58 уголовного кодекса. Начальником КБ в этом институте был Петкевич, человек, обвинявшийся в том, что при немцах был бургомистром города Мариуполя (Жданова). Были люди, попавшие за анекдоты, неосторожные письма. За какую-то, казалось бы, ерунду попал моряк Герман Коробов, замечательный конструктор.

Интереснейший сотрудник отдела информации Давид Борисович Рохленко, высокий, красивый человек, 1924 года рождения, историк, был арестован в 1951 году «за письмо Сталину о безобразиях» (так указано в Мартирологе Красноярского общества «Мемориал»), получил 10 лет лагерей и 5 лет ссылки, отбывал срок в Краслаге, где работал на лесоповале. Был освобожден в 1956 году, но реабилитирован «за отсутствием состава преступления» только ... в 1990 году! В справке о реабилитации, хранящейся в НИПЦ «Мемориал», сказано, что он был арестован за «антисоветские письма».

Особую группу представляли иностранцы (шведы, финны, американцы, венгры), приехавшие до войны помогать строить социализм. Среди них были переводчики и инженеры. Помню старенького шведа Тамберга, писавшего обзоры по состоянию зарубежной лесопромышленной техники. Толковых и талантливых людей среди всей этой разнородной массы было много. Это были интересные люди с тяжелыми судьбами. Расскажу о некоторых из них, об отдельных эпизодах, связанных с ними.

2. «Здесь этот номер у вас не пройдет» Узники Бухенвальда и ГУЛАГа

В начале 60-х годов я работал в одной лаборатории химкинского института вместе с двумя замечательными людьми - бывшими узниками Бухенвальда: инженером-конструктором Святославом Григорьевичем Столяренко и мастером-электромехаником Иваном Матвеевичем Ашариным, ныне покойными.

Как известно, Бухенвальд («буковый лес») – крупнейший нацистский концентрационный лагерь на территории Тюрингии в восьми километрах от Веймара. В нем содержались узники разных национальностей. Там оказались советские военнопленные младший лейтенант Столяренко и рядовой Ашарин.

Столяренко удалось бежать из Бухенвальда, но вскоре он был пойман, чудом избежал расстрела и был этапирован в лагерь во Франции, где работал шахтером. Перед своим уходом немцы стали убивать заключенных, работавших в шахте, но ему удалось спрятаться. По окончании войны Святослав после многих проверок возвращается в Москву, где оканчивает Институт геодезии и картографии и после этого оказывается в лесной промышленности.

Судьба Ашарина сложилась несколько иначе. В Бухенвальде в 1943 году он вошел в центр русской подпольной организации сопротивления, состоящий из шести человек (см. книгу В. Красноперова «Подпольщики Бухенвальда», М., Воениздат, 1960, с. 30-32 и главу «Русский центр» в книге Г. Поливина «Это было в Бухенвальде», Томск, Книжн. изд-во, 1960, с.21). В книге о Бухенвальде Н. Тычкова «Жизнь нельзя остановить» (Иваново, Книжн. изд-во, 1961) есть глава «Иван Ашарин» (с.99-106). А в 1945 году Иван Матвеевич участвовал в интернациональном восстании. Подпольщикам разных стран удалось вооружиться. В лагере стало известно, что нацисты собираются уничтожить заключенных. За несколько дней до прихода американцев заключенные с боем захватили лагерь. 11 апреля 1945 года Бухенвальд был освобожден до того, как в него вошли американские войска. Поэтому Международный День освобождения узников фашизма отмечается 11 апреля.

Как мне рассказывал Иван Матвеевич, после освобождения они упивались свободой, разъезжали с неграми-американцами на виллисах. Через какое-то время американские власти объявили им, что должна приехать советская комиссия для организации возвращения советских военнопленных на родину, однако не советовали возвращаться, так как им может угрожать опасность. Но молодой парень Иван Ашарин мечтал вернуться домой, в Сокольники, где ждали его родители.

До Польши они ехали в поезде как свободные люди. А на территории Польши подверглись допросу в МГБ. Иван Матвеевич с гордостью рассказал на допросе как под руководством подпольного центра, куда он входил, заключенные постепенно вооружились, как подготовили интернациональное восстание и как успешно его провели. На это полковник МГБ, который вел допрос, сказал: «Здесь этот номер у вас не пройдет».

Иван Матвеевич был направлен в ссылку в Архангельскспецлес в одни из леспромхозов МВД, где валил лес моторной пилой. А родные Сокольники увидел через много лет - после XX съезда партии.

3. Треугольное письмо конструктора пулемёта Юрченко

Талантливый конструктор Юрий Федорович Юрченко, небольшого роста брюнет, крепкий, скромный, до войны был известным конструктором авиационных пулеметов. Его высокоскоростные пулеметы не забыты и сейчас – о них есть немало публикаций

в интернете. Во время войны он оказался в действующей армии. И писал треугольные письма без марки. Такие армейские письма были приметой времени. Их писала своим родным и друзьям вся армия. Но не все представляли, как тщательно просматривается вся эта масса писем цензурой.

В одном из таких треугольных писем жене Юрченко упомянул, где примерно он находится (и, следовательно, его воинская часть). В результате он оказался в ГУЛАГе и в конце концов (ему повезло) - в «шарашке». Из «шарашки» он попал в химкинский институт, где занимался разработкой дробилок – станков для дробления древесных отходов. Этой работе он отдавался с энтузиазмом и увлечением, как некогда конструированию авиапулеметов. Министерство лесной промышленности периодически запрашивало у химкинского института потребность для страны в новой технике на очередную пятилетку. Отвечая на такой запрос, Юрченко взял оценку объема древесных отходов по стране, разделил на производительность своей дробилки и в результате получил требуемое число таких дробилок. Однако это число пришлось сильно уменьшить, так как в лаборатории энергетики вычислили, что для работы такого количества дробилок конструкции Юрченко не хватит энергии строящейся Красноярской ГЭС.

4. «А эта сволочь утверждает, что я еврей!»

Кандидат наук Ральф Людвигович Варга

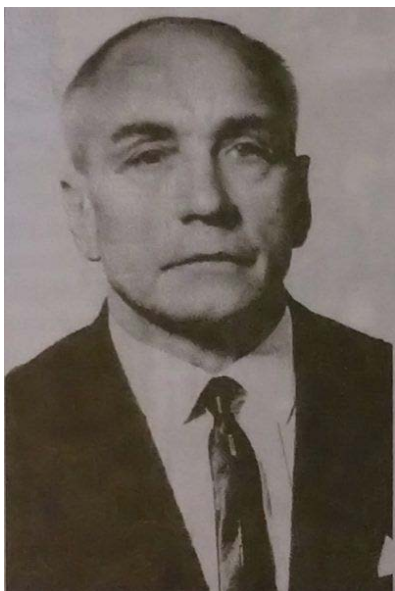
Перед войной в СССР приехал из США молодой венгр Ральф Варга с женой – американкой, роскошной блондинкой Мери. Приехал строить социализм. Не знаю, как он попал в химкинский институт лесной промышленности. Не знаю, как он стал членом партии и кандидатом технических наук. Когда я с ним познакомился в 1957 г., он был начальником лаборатории измерений и связи в химкинском институте. Ральф Людвигович был приятным, интеллигентным человеком. Говорил с небольшим иностранным акцентом. Выполнял функции переводчика с английского, когда приезжали иностранные делегации. Правда поотстал в английском в области вычислительной техники и вместо binary system (двоичная система) говорил two system (двойная система), что было для иностранцев полной бессмысленностью. Человек он был спортивного вида и увлекался йогой (в обед даже стоял на голове в своем кабинете). Заместителем лаборатории у него был Давид Моисеевич Тасьман, фронтовик, радист, человек очень добрый, мягкий, с юмором.

И вот при ликвидации министерства лесной промышленности СССР при Хрущеве в конце 50-х годов в лабораторию Варги был направлен на работу бывший сотрудник этого министерства радист Корольков. Через год-два работы Корольков подал в парторганизацию заявление, в котором написал, что Варга сам еврей и заместитель у него Тасьман (кстати, других евреев в подчинении у Варги не было),

вследствие чего работать с ними не представляется возможным, и просил защиты. По поводу этого заявления в отделении института, в которое входила лаборатория Варги, провели партсобрание, принявшее решение в пользу «обвиняемого». На этом партсобрании выступил коммунист Варга, сказавший примерно следующее:

«Во время войны нацисты проверяли моих родственников в Будапеште и не нашли ни одного еврея. А эта сволочь утверждает, что я – еврей!».

5. Вильям Вильямович Куосман ¹ Конструктор электропилы

*В. В. Куосман. Химки,
Московская обл., 50-е годы.
Ему примерно 50 лет.*

Американский финн Вильям Вильямович Куосман с женой Эйлой - американкой финского происхождения также приехал в СССР из США в начале 30-х годов работать на Горьковском автозаводе. Он даже принял советское гражданство. Но во второй половине 30-х годов он был сослан на север и оказался в лесной промышленности. А оттуда он попал в химкинский институт, где работал конструктором. Это был очень приятный высокий мужчина, спокойный и благородный. Очень плохо говорил по-русски. Пользовался всеобщей симпатией и уважением – он был блестящим конструктором. Вильям Вильямович был ведущим разработчиком электропилы, которая питалась от небольшой переносной высокочастотной электростанции. Эта электропила получила большое распространение в лесной промышленности, и коллективу ее создателей была присуждена Сталинская премия.

Относительно Вильяма Вильямовича сложилась легенда, которую я слышал от нескольких сотрудников Химкинского института. Она сводится к следующему. Якобы в длинном списке награжденных за электропилу, в который входили разные начальники и даже сотрудники министерства, Вильяма Вильямовича не было. Тогда он пошел в американское посольство и попросился назад – в Америку. Но ему отказали. А за это советские органы направили его в ссылку – в «шарашку» вне Москвы. При Хрущеве он вернулся в химкинский институт, где я его и застал. Но в списке лиц, которым была присуждена в 1949 г. Сталинская премия второй степени, на втором месте указан В.В. Куосман. Никаких министерских начальников в этом списке нет. И, скорее всего, премию эту он получил. Однако в авторском свидетельстве на изобретение пилы № 78613 от 1946 г. указан только один автор –

В.В. Куосман. Судя по предположениям его правнука, какие-то неприятности в связи с этой премией у него были. Во всяком случае, люди, знавшие его на расстоянии, предполагают, что он не решился бы проситься назад в США при жизни Сталина, но вскоре после его смерти мог бы решиться на это.

Так или иначе, но остается фактом, что американец, успешно игравший в школе и колледже в американский футбол, затем, будучи хорошим инженером, приехавший вместе с женой в СССР работать на Горьковском автозаводе и строить социализм, попадает в обстановку арестов на этом автозаводе и оказывается в ссылке на Севере, где становится работником лесной промышленности.

Вильям Вильямович проработал в химкинском институте до пенсии и примерно в середине 70-х годов вместе с женой реэмигрировал в США, где и умер. В Химках оставался его очень симпатичный сын Билл, абсолютно русский парень, родившийся в ссылке на севере в 1937 году. Первое и полное его имя было Рональд (американцы могут иметь несколько имен), а Билл – уменьшительное от его другого имени – Вильям. Говорят, что по советскому паспорту он также был Вильямом, как и отец. В 80-х годах Билл тоже уехал в США и там скончался. На американском сайте в Интернете нашлись годы жизни отца и сына Куосманов: Вильям Вильямович (1907-1982), Рональд Вильямович (1937-1997).

6. Михаил Михайлович Померанцев, довоенный кандидат наук

Михаил Михайлович Померанцев, типичный «интеллигент в очках», чуть ниже среднего роста, лысоватый. Дворянского происхождения. До войны защитил кандидатскую диссертацию в Бауманском институте в Москве, был комсомольским секретарем факультета, там же вступил в партию. Когда началась война, пошел в армию, был на фронте и попал в плен. Как многие пленные коммунисты сжег свой партбилет. Но его приняли за еврея (то ли немцы, то ли свои «капнули» немцам): в очках, тихий, интеллигентный. Жизнь его висела на волоске. Удалось убедить немцев, что не еврей. Для этого пришлось снимать штаны. С пленом ему повезло: его отправили в Германию работать на какую-то ферму. Любопытно, что вахманом (охранником) на ферме был старик немец, который во время Гражданской войны некоторое время служил в Красной армии. Относился он к пленным неплохо и заставлял их петь песню: «Буденный наш братишка, с нами весь народ...». Но вот окончилась война, и Михаил Михайлович, не заезжая домой в Москву, был этапирован через всю страну в ссылку в Сибирь, а оттуда попал в «шарашку». А когда он оказался на территории СССР, он узнал, что его близкие решили, что он погиб (возможно, были какие-то сообщения об этом), и его жена вышла замуж за его родного брата...

После освобождения из «шарашки» Михаил Михайлович оказался в Химкинском институте, где стал работать старшим научным сотрудником. Одно время мы с ним сидели в одной комнате, и наши столы стояли рядом. Это был очень приятный, спокойный человек. Он снова женился. Его второй женой стала бывшая ссыльная, учительница. Жили они в Москве в районе Сретенки в стареньком двухэтажном домике и каждый день он мотался оттуда на работу в Химки. Последней в направлении Химок была станция метро «Сокол» и добираться до Химок приходилось в переполненном автобусе или электричкой. Однажды, когда он был болен, я отвезил ему домой зарплату и увидел, как бедно они живут.

Шли годы, а главной целью Михаила Михайловича было восстановление в партии. Он брал на себя массу общественных нагрузок, выбивался из сил. Но на очередном партсобрании института находился кто-то, в частности, один из старых научных сотрудников института кандидат технических наук Андрей Иванович Лешкевич, который задавал ему сакраментальный вопрос: «А почему ты тогда сжег свой партбилет?», и восстановление в партии срывалось. Но Михаил Михайлович не унимался. Он стал председателем институтского отделения Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР). И, похоже, над ним сжалились. Но тут он умер.

7. Николай Васильевич Кольченко, инженер-строитель

Николай Васильевич Кольченко был нашим преподавателем строительного дела на старших курсах Лесотехнического института (в 1956-1957 годах). Параллельно или до этого он работал на стройках высотных зданий в Москве. Их строительство велось силами МВД. Попал туда Николай Васильевич не случайно. Когда-то он избежал ареста, скрывшись под чужим паспортом на имя Всеволода Боброва, однофамильца знаменитого в первые послевоенные годы футболиста команды ЦДКА. А потом, по прошествии скольких-то лет, он не выдержал и пришел в органы с повинной. Ему повезло: он как строительный инженер оказался в Москве на стройках МВД. Стал жить по старому паспорту на имя Кольченко Николая. Однажды, когда он ехал куда-то на поезде, его окликнули: «Севка! Бобров!». Все это он рассказывал мне сам, почему-то проникнувшись ко мне доверием. Это был добрейший, честный, очень совестливый человек. После окончания института я изредка виделся с Николаем Васильевичем: он просил достать ему в моем химкинском институте какие-то материалы по строительству в лесной промышленности.

Но к ближе к середине 60-х годов им стала овладевать совершенно жуткая ненависть к Хрущеву. Едва ли не большая, чем к Сталину. Несмотря на то, что при Сталине ему пришлось жить нелегально, чтобы избежать ареста, а Хрущев дал ему

возможность жить и работать свободно. Ненависть по многим причинам (конечно, интервенция в Венгрии, Карибский кризис, события в Новочеркасске, но главное – «волюнтаризм»). Он говорил об этом открыто и был захвачен неприятием Хрущева. Такое ощущение, что это был его «пунктик». И его даже вызывали однажды «куда следует». Но, поулыбавшись, отпустили. Возможно потому, что это было незадолго до снятия Хрущева.

Потом я был у него на защите кандидатской диссертации в Московском строительном институте. А через несколько лет он пригласил меня на свою защиту докторской диссертации. Но пойти я не смог, так в это время у меня умирала мать.

8. Георгий Александрович Вильке, выдающийся универсальный инженер и педагог

Г.А. Вильке. Москва, примерно 1965 год. Ему 59 лет.

Георгий Александрович Вильке – одна из самых ярких и талантливых личностей, с которыми я встретился в жизни. Удивительно добрый и умный человек. Он был моим преподавателем в Московском лесотехническом институте (МЛТИ).

Высокий, интересный, с большим чувством юмора и зарядом оптимизма, несмотря на то, что проделывала с ним жизнь.

Георгий Александрович был из дворян немецкого происхождения. Родился в 1907 г., умер в 1972 г. в Москве. Учился в Москве в Бауманском институте (Высшем техническом училище им. Баумана). Но из-за своего происхождения был исключен из него и сослан в Архангельскую область, где попал на одно из предприятий лесной промышленности. Потом, вернувшись в Москву, он все же закончил институт. Во время войны был в армии.

Затем работал в лесной промышленности и благодаря своим способностям и знаниям стал начальником технического управления министерства лесной промышленности РСФСР и, наконец, заместителем директора по научной работе Центрального научно-исследовательского института механизации и энергетики (ЦНИИМЭ) лесной промышленности в Химках. И, когда Георгий Александрович был в этой должности, он не дал премии кому-то из сотрудников института. Тогда этот кто-то написал на него донос о том, что во время войны его брат, тоже носивший фамилию Вильке, командовал дивизией СС. Георгия Александровича выслали из Москвы в «шарашку», где он работал как конструктор. При этом все документы об

окончании им института пропали. После возвращения в Москву в 1954 году Георгий Александрович заново экстерном заканчивает МЛТИ, становится главным инженером КБ «Союзбуммаш», в котором разрабатывались станки для бумажной промышленности, защищает кандидатскую диссертацию и начинает преподавать в МЛТИ. Его творческий диапазон огромен – от довоенных телевизоров с диском Нипкова до машин для лесной, деревообрабатывающей и бумажной промышленности, от механических систем до электрических и электронных средств автоматизации. Последнее его увлечение – автоматика и вычислительная техника. Он издает свою монографию по средствам автоматизации в лесной промышленности, защищает докторскую диссертацию и становится заведующим кафедрой автоматизации производства в МЛТИ. При этом Георгий Александрович так и остался беспартийным. Он был поистине универсальным инженером и одновременно - замечательным педагогом, воспитавшим несколько поколений инженеров и научных работников. Студенты его боготворили. Дипломников он консультировал не только в институте, но и у себя дома. Увлекающийся человек, который помог многим, в том числе и мне, он был моим учителем.

А ближе к концу жизни отыскался в Париже его брат. Оказалось, что он действительно командовал во время второй мировой войны, но не дивизией СС, а соединением французского сопротивления.

9. Борис Васильевич Серов, радиоинженер и конструктор компьютеров

С Борисом Васильевичем Серовым я познакомился в 1959 г., когда он был начальником лаборатории автоматики в Карельском филиале ЦНИИМЭ в Петрозаводске. Мы занимались с ним одной темой – разработкой цифровых компьютеров для автоматизации лесопромышленных предприятий. В каком-то смысле мы были конкурентами, но быстро стали близкими друзьями до конца его жизни в конце 70-х годов. Он часто останавливался у нас дома в Москве, а я приезжал к нему в Петрозаводск. Борис Васильевич родился в 1908 г. в Москве. Он был на 26 лет старше меня. Это не мешало нашей дружбе. Он чувствовал себя молодым, так как после освобождения из ГУЛАГа смог не только вернуться близко к своей старой специальности – электронике и радиотехнике, но и заняться совершенно молодой отраслью – электронной вычислительной техникой.

Но все по порядку.

Борис Васильевич задолго до войны закончил Московский энергетический институт по специальности «радиотехника». Учился он там в одной группе с Володькой Котельниковым, как он его называл, будущим академиком, директором Института радиоэлектроники АН СССР, будущим Президентом академии наук СССР. Любопытно, что Борис Васильевич имел билет общества «Радио» с одним из первых номеров (кажется, номер 3). До войны Борис Васильевич работал в «Особом КБ (ОКБ) наркомвоенмора», которое располагалось в Москве у Красных ворот, где потом разместился институт электромеханики (ВНИИЭМ) академика Иосифьяна. Занимался он там радиоуправлением

Б. В. Серов. Петрозаводск, 1960 г.

Ему 52 года

торпедами. Начальник этого ОКБ Владимир Иванович Бекаури, родственник Сталина, был арестован в 1938 г. и расстрелян. Вместе с ним арестовали всех ведущих специалистов этого ОКБ, в том числе – Бориса Васильевича. Так он попал в ГУЛАГ на север – в Карелию, где оказался в лесной промышленности. Значительный период своего заключения он провел в лагере в Кемь. Название Кемь расшифровывалось репрессированными как «К е... матери». В книге Михаила Пузырева «И покатилося колобок» (1997 г.) в рассказе об этом лагере говорится: «Всем производством руководили эки: электросиловым – Серов Борис Васильевич. Его я встретил через девять лет в Архангельске, узнав по походке».

После освобождения он, имея «минус», какое-то время не имел права бывать в столице и крупных городах и когда нелегально кратковременно бывал в Москве, по его словам, осторожно обходил милиционеров. После XX съезда партии ему удалось перебраться из Кемь в Петрозаводск и устроиться на работу в Карельский филиал ЦНИИМЭ, где он получил квартиру. В Петрозаводске он и прожил до конца своей жизни.

А семья? Ведь до ареста у него были жена, дети. Была квартира в Москве. Оказывается, они отказались от него как от врага народа. Вторично женился Борис Васильевич в Карелии. Его второй женой была замечательная простая женщина Анна–Александра Филипповна, бывшая зечка. У них было двое детей: сын Юра (старший) и дочь Нина. Сын трагически погиб – утонул в Онежском озере.

Мы с Борисом Васильевичем были увлечены вычислительной техникой, вместе поступили на факультет усовершенствования дипломированных инженеров Всесоюзного заочного энергетического института по специальности «вычислительная техника» и через три года в 1963 г. окончили его с отличием. Борису Васильевичу было 55 лет. Несмотря на возраст и годы, проведенные в ГУЛАГе, он с энтузиазмом

выполнял серьезные курсовые работы по математике, по теоретическим основам электротехники и по всем остальным предметам. Вспоминается забавный эпизод. Однажды мы с Борисом Васильевичем читали вместе один технический материал, сидя напротив друг друга. Причем Борис Васильевич читал текст, повернутый к нему «вверх ногами». Я предложил сесть рядом, чтобы ему было удобно читать. Он ответил: «Ничего, Виктор: так я прочитал свое дело, сидя напротив следователя».

Он создал прекрасную лабораторию автоматизации, известную в отрасли, с замечательным коллективом сотрудников. В соавторстве со своими сотрудниками Борис Васильевич написал и издал несколько книг по вычислительной технике для автоматизации лесопромышленных и деревообрабатывающих предприятий.

Несмотря на невзгоды судьбы, благодаря своему таланту и жизненным силам Борис Васильевич стал известным специалистом по компьютерам для автоматизации производства. А ведь пришлось ему гораздо тяжелее, чем тем инженерам, которые работали в «шарашках».

Примечание

¹ Здесь дана новая – дополненная и исправленная редакция рассказа о В.В. Куосмане. После публикации первой версии моего очерка «Здесь этот номер у вас не пройдет» в «Заметках по еврейской истории» <http://berkovich-zametki.com/2011/Zametki/Nomer12/Zhuk1.php> я получил письмо от Михаила Михайловича Елисейкина, в котором он указал мне на ошибку – в Указе о присуждении сталинских премии в 1949 г. в числе награжденных за создание электропилы вторым был назван В.В. Куосман. Оказывается, у него - выпускника МВТУ им. Баумана, не имеющего по своей специальности и по своей работе никакого отношения к лесной промышленности и пилам, – редкое хобби. Он – исследователь истории и современного состояния цепных пил в разных их применениях, который пытается восстановить отечественную историю цепных пил, в том числе биографии ключевых персонажей, и ведет сайты по этой тематике. Поэтому он не мог пройти мимо такой фигуры как В.В. Куосман. Он нашел статьи о присуждении сталинской премии за создание электропилы, в разработке которой важнейшая роль принадлежала В.В. Куосману, и книгу В.И. Алябьева «ЦНИИМЭ. Дела и люди (к 70-летию)», М., МГУЛ, 2002, в которой приводятся некоторые сведения о В.В. Куосмане, хотя и неточные. Михаил Михайлович нашел американский сайт о Куосманах, где приведена информация о Вильяме Вильямовиче его сыне Рональде (см. материал «105 лет Вильяму Вильямовичу Куосману», <http://dnevnik.motopila.ru/2012/03/kuosman-105/>), разыскал правнука В.В. Куосмана и вступил с ним в переписку. Однако ему не удалось выяснить ничего, касающегося обращения В.В. Куосмана в посольство США в начале 50-х годов и его отношений с тогдашним режимом. В новой редакции рассказа о В.В. Куосмане я использовал сведения, сообщенные мне М. Елисейкиным, и присланную им фотографию В.В. Куосмана из упомянутой книги В.И. Алябьева. Выражаю огромную благодарность Михаилу Михайловичу Елисейкину за оказанную помощь.